

Предисловие

Зимний номер научного журнала «Вестник СФИ» обращается не только к теологической проблематике, ставшей достоянием истории, — посланиям апостола Павла, трудам прп. Ефрема Сирина, исследованиям известного литургиста архим. Роберта Тафта, но и к современному богословию. Едва ли не впервые в поле неангажированного научного изучения попадают труды современного богослова, основателя Свято-Филаретовского православно-христианского института свящ. Георгия Кочеткова. Внешним поводом для этого стал 70-летний юбилей ученого-богослова; внутренней причиной — необходимость собрать и артикулировать те направления теологической мысли, в которых его открытия являются наиболее ценными и значимыми.

Важной особенностью богословских идей о. Георгия является проверка мысли о Церкви в практике церковной жизни. Это существенно отличает его, например, от протопр. Николая Афанасьева, который был по преимуществу кабинетным ученым, и даже от протопр. Александра Шмемана. Знаменитый богослов, известный не только литургическими, но и экклезиологическими идеями, не раз высказывал свои переживания, что дистанция между богословской нормой и реалиями церковной жизни слишком велика. По этому признаку — собирания церковной жизни на исповедуемых принципах веры в Церковь — ближе других о. Георгию Кочеткову, пожалуй, деятельность прот. Сергия Булгакова, который сумел соединить свое богословское творчество с созиданием Русского студенческого христианского движения, собиранием Братства Святой Софии и ближайшего круга своих учеников. Говоря о богословском наследии о. Георгия Кочеткова, важно отметить связь мысли о Церкви, веры в Церковь и практики церковной жизни, при этом и вера в Церковь, и мысль о Церкви воплощаются в жизни, соединяются в одно жизненное единство.

Последовательное проведение принципа единства веры в Церковь и учения о Церкви в русской богословской мысли началось с А. С. Хомякова и славянофильского круга и было продолжено целым рядом очень разных людей, не только из академической среды: Н. П. Аксаковым, Н. Н. Неплюевым, еп. Михаилом (Грибановским), свящ. Анатолием Жураковским, Н. А. Бердяевым. Богословская мысль о. Георгия входит в эту традицию, которую

отличало стремление соединять развитие учения о Церкви с практикой церковной жизни, не опасаясь новых форм этой жизни.

Поэтому статьи Д. М. Гзгзяна и А. М. Копировского, которые представят читателю богословские взгляды свящ. Георгия Кочеткова, касаются не только теоретических, но и практических вопросов. Новые подходы в православной сакраментологии рождаются из практики мистагогии, необходимости вводить оглашаемых в таинственную жизнь церкви; новая система теологического образования появляется из необходимости продолжать путь духовного просвещения, начатый на оглашении, и готовить катехизаторов.

Важнейшей темой богословия о. Георгия Кочеткова становится проблема границ Церкви. Увлеченность о. Георгия этой проблемой видна даже из названия его статей: «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви»; «Священство православных и баптистов»; «Вера вне церкви и проблема воцерковления»; «О границах Церкви (в связи с экклесиологией о. Сергия Булгакова)» и др. В настоящем выпуске журнала мы публикуем статью заведующей Богословским колледжем СФИ О. В. Кузнецовой, которая позволяет увидеть, на каком основании вырастает богословская мысль о. Георгия, как решается проблема церковных границ в трудах прот. Сергия Булгакова, протопр. Николая Афанасьева и прот. Георгия Флоровского. Все эти богословы писали о необходимости рассматривать наличие границ Церкви иного порядка, нежели только канонические: Флоровский выделяет харизматические границы, Афанасьев — границы евхаристического собрания, а Булгаков — мистические. В свою очередь о. Георгий предлагает тройственное (триадическое) различие церковных границ, выделяя канонические, мистериальные и мистические границы.

Какие новые проблемы ставит и какие возможности открывает такое различие? Прежде всего, это позволяет на разных уровнях понимать известные свойства Церкви, закрепленные в Символе веры: единство Церкви, ее святость, кафоличность и апостоличность, яснее описывая их взаимосвязь и приоритетность. Это различие позволяет также сделать важный шаг вперед в развитии мысли о Церкви. Так, протопр. Николай Афанасьев не отвечает на вопрос о том, как собирается Церковь для совершения таинства, а история Константиновского периода и тем более нынешнего времени показала, что поместный принцип не выявляет полноты церковного собрания, даже если решает этот

вопрос на уровне внешнем и количественном. Таинство в полноте выявляет Церковь при условии собранного в единстве исповедания веры народа. Иначе говоря, единство на уровне мистическом оказывается определяющим для совершения таинства.

Таким образом, богословская мысль приводит о. Георгия к тому же, к чему привели практические труды по воцерковлению людей и собиранию народа Божьего, — к созданию и обоснованию общинно-братской экклезиологии, которая описывает церковную жизнь не с точки зрения власти, как это делает, скажем, прот. Валентин Асмус, и даже не с точки зрения выявления Церкви в евхаристии, как это делает протопр. Николай Афанасьев. Это попытка описать жизнь Церкви изнутри, которая вбирает в себя и воцерковляет известные формы жизни, где первично духовное, а не плотское единство, где доверие к человеку не связывается с его положением, где жизнь людей определяется жертвенным служением, а не исполнением должностных функций и т. д.

В свете общинно-братской экклезиологии появляется возможность находить разрешение как внутренних проблем церкви, например, древней проблемы церковных разделений, так и внешних, — например, выстраивания на новых началах отношений церкви с обществом и государством. Таким образом, открываются новые возможности для экклезиологической мысли, для литургического творчества, для свидетельства и миссии Церкви, т. е. для исполнения ее призвания в наше время.

*Д. С. Гасак,
первый проректор СФИ*